

Т. А. Шрадер

**ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР РУССКИХ И НОРВЕЖЦЕВ
В ПЕРИОД ПОМОРСКОЙ ТОРГОВЛИ (XVIII–XIX ВВ.)**

АННОТАЦИЯ. Поморская торговля в северных районах России и Норвегии осуществлялась на протяжении нескольких столетий. Тесные торговые контакты русских и норвежцев способствовали взаимовлиянию культур этих народов. Взаимовыгодная меновая торговля рыбаков Северной Норвегии с крестьянами-рыбаками из районов Белого моря и коммерческие связи русского и норвежского купечества осуществлялись на протяжении нескольких столетий. В работе использованы материалы архивов Санкт-Петербурга и Архангельска и научные публикации российских и норвежских ученых. Сопоставление данных дает возможность сделать вывод о том, что в северных районах России и Норвегии культура обеих стран обогащалась в результате тесных межэтнических контактов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поморская торговля, рыбаки Северной России, жители Северной Норвегии

УДК 94(47)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-3(9)-141-147

ШРАДЕР ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА — к.и.н., с.н.с. отдела еврипеистики, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: tatyana.schrader@gmail.com

Статья представляет собой обзор контактов в области бытовой культуры между жителями Русского Севера — поморами, проживавшими на протяжении веков на берегах Белого моря и на северном побережье Кольского полуострова, и норвежцами в соседней с ними Северной Норвегии. Автор ранее опубликовала ряд работ, посвященных экономическим связям русских и норвежцев в указанных районах начиная с XVIII до начала XX в. В архивах Санкт-Петербурга и Архангельска сосредоточено значительное количество материалов о торговых связях между Севером России и Норвегии. Эти материалы относятся к XVIII, XIX вв. и началу XX в. В статье автор сосредоточила внимание на обмене различными товарами, которыми пользовались как поморы, так и норвежцы.

Поморы были мужественными людьми, прекрасными мореходами, не боялись шторма, стужи. Многие из них не возвращались с моря домой. На протяжении веков отправлялись они на лов рыбы к норвежским берегам, куда косяки трески и сельди по причине хороших природных условий в большом количестве ходили на нерест в поисках корма. Заходили поморы в норвежские рыболовецкие селения, строили там избы на пустынных берегах. До конца XVIII в. в северных районах Норвегии существовала монополия торговля купцов из норвежского города Берген и датского города Копенгаген, поэтому местные власти не допускали контактов между русскими и норвежскими рыбаками. К концу XVIII в. на севере Норвегии было уже значительное количество рыболовецких селений, при этом экономическое положение норвежского населения было очень тяжелым. Датско-норвежское правительство было вынуждено отменить монополию и официально разрешить норвежцам напрямую вести торговлю с поморами — рыбаками и купцами из России. Торговля их носила меновой характер — русские привозили закупленные ими в Архангельске хлебные товары и выменивали их на рыбу различных сортов. В летний период, когда было нельзя долго хранить свежую рыбу, торговля проходила прямо с лодок, корма к корме. Русские солили рыбу прямо на месте купленной в Норвегии солью, которая была более высокого качества, чем русская, а затем везли рыбу на продажу в Россию. Предоставленная русским свобода торговли в северных провинциях Норвегии давала предпосылки к более интенсивному развитию края.

Меновая торговля была четко регламентирована норвежскими законами (Свод постановлений... 1871; Теттерман 1883), основа которых была заложена в «Договоре о торговле, мореплавании и дружбе, заключенным между его Величеством Императором Всероссийским и его Величеством Королем Шведским и Норвежским 26 апреля (8 мая) 1838 года». Отдельные статьи параграфов и законов на протяжении последующих десятилетий менялись, но основные положения, дававшие право русским судам продавать товары в северных провинциях Норвегии в норвежских портовых городах с судна на судно в течение четырех недель летнего периода, сохранялись до начала XIX в.

Ходили поморы в Северную Норвегию с Поморского берега, Терского берега и с Мурмана, расположенных на северном берегу Кольского полуострова (Бернштам 1978: 130–131), везли товары и из Архангельска. Еще в конце XVIII в. русские привозили в Норвегию пеньку, канаты, тик, перо, лен, железо, смолу, телячьи шкуры, юфть, резные изделия из кости. Из Норвегии привозили в Архангельск и в свои родные места, кроме рыбы, промышленные товары, особенно красивую одежду, ситец, платки, сахар, сироп, кофе, французские вина, жернова, кафельные печи, гагачий пух, домашнюю утварь, посуду, вязаные изделия. Все эти вещи входили в быт поморов.

Чай и кофе в XIX в. широко употреблялись жителями различных социальных прослоек Беломорья. В начале XIX в. в одном из отчетов таможи было отмечено, что «один датский купец в Архангельске предлагал на мен кофе, не так хорошей доброты, а его здесь имеется достаточное количество» (ГААО. Ф. 10. Оп. 1. № 222. Л. 15). В народе ходила поговорка «Нищие просят здесь не на хлеб, а на кофе» (Бернштам 1993: 68). Что же касается одежды, то поморы шили ее, как правило, сами, но не из домотканой материи, а из покупной, приобретенной на ярмарках, у приезжих купцов или привозили из Норвегии (Бернштам 1993: 43). Приведем пример — список товаров, привезенных в 1808 г. на судне помора Балова, который «выменял на русские товары сырой

трески 1520 пудов, трески сухой 700 пудов, палтусины 166 пудов, оленины 660 пудов. Куплено им на деньги помимо мягкой рухляди (мехов) 2 анкара водки, 1 анкарок кагору, 1 пуд сахара, 64 тарелки (белых), 36 чайных ложек, 3 платка женских, 6 пимен оленьих, 50 трубок курительных. 4 подсвечника, 1 дюжину карт, 30 лотов серебра, 25 бутылок, 159 аршин датской набойки, 2 куса коленкору, 18 фартуков, 5 платков кисейных» (ГААО. Ф. 10. Оп. 1. № 212. Л. 78–79).

Представляет интерес один из эпизодов, описанных поморским писателем Борисом Шергиным: «Множество поморов заезжало в Архангельск на сентябрьскую ярмарку. У города было столько кораблей, что воды не видно. Зуйки (юноши, помощники на поморских суда. — Т. III.) гуляют по архангельским улицам нарядные, в узорных вязаных рубашках или синих матросках с шейными платками», и тут же Б. Шергин приводил частушку:

Экипажная рубашка, норвецкой вороток,
Норвецкой вороток,
Около шеечки платок,
словно розовый цветок (Шергин 1984: 50).

Упоминание деталей норвежской одежды в частушке может свидетельствовать о том, что «норвецкой вороток» был в то время в моде у поморов.

Помимо обширного архивного материала, имеется значительное число печатных свидетельств активной торговли между поморами и норвежцами, особенно отчетов Архангельского губернского комитета. На протяжении нескольких лет русские архангельские чиновники представляли обширные отчеты о торговле в северных провинциях России и Норвегии.

Так, согласно отчетам Архангельского губернского комитета за 1886 и 1891 гг., из Норвегии в Архангельск поступала рыба соленая, рыба сушеная, вино, кофе в зернах, соль, машины, разного рода аппараты, масло оливковое, музыкальные инструменты, краски, мазь для машин, бумажная пряжа, изделия из фарфора, стекло, медь, косы, серпы, прочие товары, доставляемые русскими купцами и поморами (Отчет Архангельского... 1888: 106). В русские города Сума, Сорока, Кемь, Мезень, Онега шла рыба, соль, звериные шкуры. Центрами торговли поморов в Норвегии были города Вадсё, Вардё, Хаммерфест, Тромсё (Консульские донесения... 1895), где русские должны были в обязательном порядке представить на таможне свои товары. А затем могли рассредоточиться по населенным пунктам норвежского побережья и торговать там ржаной мукой, коровьим маслом, веревками, берестой, лесными материалами, свежим маслом, вареньем, конфетами и другими товарами. Правительство Норвегии учитывало роль этой торговли для развития северного края страны. В России в торговле с северной Норвегией, несмотря на ее меньший объем по сравнению с другими странами, были заинтересованы достаточно широкие торговые круги. Такие товары, как пушнина и норвежская соленая треска, удобные для транспортировки, шли на рынки не только севера, но и внутренних районов России (Broch, Jahr 1981: 273).

Безусловно, при исследовании экономических контактов всегда важны выводы об экономической значимости торговых сношений. В архивных документах Архангельска и Санкт-Петербурга были указаны названия судов, ходивших из различных городов России и Норвегии, перечислялись имена поморов на судах, их число в отчетах оценивалось в несколько десятков. Примером могут служить «Сведения о поморских судах, отошедших от Архангельского порта за границу в Норвегию в навигацию 1898 г.». Этот документ был направлен шведско-норвежскому генеральному консулу, копия — в статистическое отделение Департамента таможенных сборов (РГИА. Ф. 21. Оп. 12. № 39. Л. 1–40). В этом отчете указано значительное число норвежских городов (Вардё, Гаммерфест, Тромсё, Вадсё и др.). Общее число судов, вышедших в Норвегию в отчетный период: в Вардё — 115 судов, Вадсё — 41 судно, Тромсё — 19 судов, Гаммерфест — 46 судов.

В документе указывалось, какие товары и в каком количестве были на судах. В этом же отчете перечислены имена поморов на вышедших из Архангельска судах. Ниже мы приводим ряд имен поморов-моряков, которые знакомы тем, кто изучает историю Русского Севера. В различных

архивах указаны места их проживания, это помогает установить родство. Важно познакомиться с именами тех людей, которые ходили на своих судах торговать в Норвегию, общались с норвежцами, бродили по улицам городов и селений Северной Норвегии. Норвежцы, приезжавшие в СССР в 1960-е годы из Северной Норвегии, помнили рассказы родителей о том, как приходили русские лоды и шняки, как «бородатые русские» раздавали норвежским ребятам конфеты бон-бон.

Знакомясь с документами, хранящимися в архивах Санкт-Петербурга и Архангельска, читая норвежскую и русскую литературу о поморах, знакомимся с именами людей, которые ходили в Норвегию на своих судах, на судах купцов или зажиточных поморов. Один из таких Иван Рюхин, мещанин Сумского посада, шел в 1810 г. на собственном судне с грузом в 4000 пудов в Норвегию, в те места, где выгоднее менять (ГААО. Ф. 10. Оп. 286. Л. 23). Среди исследователей Арктических просторов хорошо известно имя Александра Кучина. Родился он в конце XIX в. в семье бедного помора. Жизнь его оборвалась во время арктического похода Н. Русанова. Из архивных документов известно, что в 1810–1811 гг. Алексей Кучин из Кучеренска Онежской губернии ходил в Норвегию, в 1898 г. Михаил Кучин ходил в город Вардё (Norges land og folk 1906).

Исследователям Арктики знакомо и имя Владимира Воронина, капитана судов «Сибиряков», «Седов», «Челюскин». Его двоюродный дядя Федор Воронин в 1874 г. спас в северных водах австрийскую экспедицию (к сожалению, в архиве не указаны данные об этой экспедиции) и привел ее в Вардё. Племянник Федора Яков Воронин во второй половине XIX в. промышлял у берегов Новой Земли. В архивных документах говорится, что «Михалко Воронин из Сумского посада обязался идти в Норвегу, в Тальвик, Альтен (Альта), Амарфист (Хаммерфест) для отвоза туда 2005 пудов муки ржаной в 231 кулях, 21 пуд пеньки, 7 пудов льна, 2 пуда мыла казанского, 250 пудов соли английской, 182 аршина холста» (ГААО. Ф. 10. Оп. 1. № 286. Л. 73). В Норвегии в этот период царил голод, и поморы Беломорья снабжали северонорвежские провинции Финмаркен необходимыми товарами.

На страницах архивных документов находим имена братьев Антуфьевых из села Мудьюжское. На своих судах братья Григорий, Петр, Федор ходили во многие селения и города Северной Норвегии. В 1898 г. братья Александр, Павел, Василий также ходили в Норвегию (РГИА. Ф. 21. Оп. 21. № 39. Л. 1. Оп. 4. Л. 1, 6, 9). Во время Первой мировой войны, несмотря на запрет в России на вывоз хлебных товаров за границу, Антуфьевы вывезли в Норвегию 50 тысяч пудов ржаной и пшеничной муки (ГААО. Ф. 10. Оп. 1. № 256. Л. 11).

Купцы Норкины из города Кемь — братья Федор, Василий, Антон и Иван — в начале XIX в. имели торговые связи с северо-норвежскими купцами Карлом Герессом, Христианом Якальсеном, Петером Ростом и Оге Акерманом. Они возили на своих судах рожь, доски, свечи и другие товары. В начале XIX в. купец из Колы Степан Попов Пахомов, купец из Архангельска Андрей Долгошеин, мещанин Самсон Роскутов из Сумы, мещанин Илья Корнилов, Прокопий Щадрин и Федор Кузнецов из Сумы Кемского округа Сорочкой волости заключили с купцом Норагером договор об обмене хлеба на рыбу и другие товары (РГИА. Ф. 10. Оп. 1. № 297. Л. 100). Конечно, имена всех поморов и купцов, торговавших в Норвегии, перечислить чрезвычайно трудно.

Поморы могли сами построить без чертежа небольшую лодку или карбас. Большинство из них ходили на шняках, раншняках, `ёлах, завезенных в середине XIX в. из Норвегии. На крупных парусных судах — лодьях, которые, как правило, принадлежали купцам или зажиточным поморам, перевозили большую часть муки и рыбы в несколько тысяч пудов. На Поморском берегу в XIX в., откуда ходили «в Норвегу», было зафиксировано до 880 различного рода морских судов (Бернштам 1978: 110).

В XVIII в., когда поморы активно начали проникать в северные селения Норвегии, сложился язык руссе-норск. На протяжении всего XIX столетия процесс общения развивался, и практически все сделки между русскими и норвежцами осуществлялись с помощью этого смешанного языка. О русско-норвежском языке опубликован ряд научных работ норвежских и русских ученых.

В брошюре о поморах и поморской торговле, выпущенной в 1977 г. для начальных школ Северной Норвегии, впервые приведен пример беседы русского и норвежца на этом смешанном языке.

Беседа (перевод на русский):

Drasvi, gammel god ven po moja — *Добрый день, мой старый хороший друг.*

Nogoli dag tvoja reisa pa Arkangelsk ?— *Сколько дней ты шел из Архангельска?*

Tri vegel — *Три недели.*

Tvoja fisk korom? — *Ты купишь рыбу?*

Kak pris? — *За какую цену?*

En voga mokka, so to voga treska — *Один вог муки за два вога трески (вог=17,932 кг).*

Njet, eta mala — *Нет, это мало.*

Slik slag, en og hal voga treska, so en voga mokka — *Ну ладно, полтора вога трески за 1 вог муки.*

Jes, davaj — *Да, давай.*

No davaj po kahuy sitte ned, so nokka lite tjai drikom — *Ну, пошли в каюту, чаю поьем.*

Basiba — *Спасибо (Hansen 1977: 9–10).*

Многолетние контакты русских с норвежцами сохранились в памяти обоих народов. В качестве примера можно привести в сокращенном виде воспоминания пожилого норвежца, учителя Юхана Столсетта, записанные после Второй мировой войны. Норвежец рассказывал о последней встрече с поморской семьей в августе 1914 г. Шкипер Корнов, владелец лодки «Святой Петр», после обмена рыбы на муку предложил норвежцам выпить по чашке чая. Рассказчик с теплотой вспоминал уютную каюту, орехи, предложенные хозяином, выпечку на столе к чаю, бон-бон. За столом хлопотал улыбающийся сын шкипера. Разговор велся на русско-норвежском. Команда лодки играла на гармошке, мандолине и губной гармошке, пели. Корнилов-старший подпевал, поглаживая золотой крест на груди. Хороший день был. Но вот пришли с другого судна, принесли весть о войне и мобилизации. Все стали озабоченными. В тот же день поморы попрощались на кладбище с русскими, покоящимися в чужой земле. Там же они попрощались и с Норвегией (Hansen 1978: 8–9).

Этот рассказ воспроизводит один из многотысячных эпизодов взаимоотношений между русскими и норвежцами, примеры подобных встреч можно встретить в норвежской художественной литературе, повествующей о жизни в Северной Норвегии. Но, безусловно, контакты носили и другой характер, когда люди не сходились в цене, да и просто выясняли межличностные отношения.

Поморы чувствовали себя в Норвегии свободно и часто высказывали неудовольствие на притеснения со стороны норвежских властей. Так, в 1870 г. финмаркенский губернатор так объяснил жалобы поморских шкиперов на местные власти в Хаммерфесте: «Русские, бывшие продолжительное время в Норвегии, до того свыкаются и чувствуют себя как дома, что всякое указание на разницу прав с правами местных жителей кажется им стеснением и несправедливостью» (Описание Мурманского... 1909: 85).

Необходимо отметить и такое явление в Северной Норвегии, как найм поморских крестьян на норвежские рыбные предприятия. К примеру, крупный промышленник в Вардэ А. Е. Бродткорп поселился в Вардэ в 1829 г. и взял торговлю города в свои руки (Balsvik 1989). На протяжении почти 20 лет он был единственным купцом в этом городе. Бродткорп ежегодно нанимал до 20 рабочих из России, работавших у него в течение всего лета. В 1847 г. в Вардэ им был построен дом площадью 32 кв. м для размещения там русских рабочих. Воскресными вечерами русские рабочие устраивали в центре города танцы, аккомпанируя себе на балалайках, домбрах и небольших гармошках. К ним присоединялись команды стоящих в гавани русских лодок. Танцы, по воспоминаниям норвежцев, исполнялись соло, парами или хороводами. Вокруг уличных увеселений русских собирались жители города, слушали песни о Волге, любовные песни, частушки о «коробушке»,

бабушке, дедушке (Pomog 1992: 107). Перед отъездом рабочие закупали на заработанные деньги товары, отвозили их домой в свои села. Купцы и богатые люди при посещении Норвегии часто брали на борт своих судов жен, нередко детей, с которыми навещали в Вардэ своих знакомых. Норвежцы, приглашавшиеся на чай на поморские суда, после посещения русских отмечали бедное содержание команды и строгую дисциплину на судне.

В 1870 г. в Вардэ была создана русская пекарня, владели ею Татьяна Митров (Tatjana Mitroff) и Василий Ауземович (Vaseli Ausemowitz). Позднее пекарня перешла в руки дочери Татьяны. В конце XIX в. торговля хлебом шла настолько бойко, что Бродкорб открыл новую пекарню, и норвежские дети с любопытством наблюдали за процессом выпечки хлеба (Pomog 1992: 108). Интересно, что еще в 1960 г. пожилые норвежцы, помнившие моменты встреч с русскими в детстве, с удовольствием отведывали ржаной хлеб при посещении СССР. В 1980 г. автор статьи, гуляя по улицам Хаммерфеста, набрела на ресторан «Помор», где, судя по представленному меню, посетители могли заказать блюда русской кухни.

С середины XIX в. представители богатых слоев купечества стремились изучать русский язык и посылали своих сыновей в Архангельск и другие города Беломорья с целью изучения языка (Pomog 1992: 108). Посещая Архангельск и другие русские города Беломорья, норвежцы покупали различного рода русские памятные для них вещи и затем использовали их в повседневной жизни. Свидетельством этого являются издания музеев городов Северной Норвегии — Вардэ, Тромсё, Вадсё и др. В этих же музеях собраны интересные фотодокументы XIX — начала XX в. Высокий уровень грамотности среди поморского населения, отмеченный уже в XVIII в., умение общаться с представителями других национальностей, использование русско-норск и нередко норвежского языка способствовали тому, что при сохранении традиционной русской культуры население Беломорья быстро воспринимало различного рода новации. Взаимное проникновение элементов культуры русских и норвежцев имеет прежде всего экономическую основу, при этом необходимо отметить специфику двух соседних народов.

Хозяйственный уклад и социальная организация поморов способствовали сохранению и развитию некоторых архаичных черт русской культуры: северной русской общины-«мир», различных форм производственных коллективов-«артелей», большой семьи. Нельзя забывать и специфическую черту поморской культуры — старообрядчество.

Культура норвежцев на севере страны формировалась и развивалась в лоне национальной южнонорвежской культуры и имела общеевропейские городские черты. В конце XIX — начале XX в. практически во всех норвежских городах численность населения в среднем достигала 2000 человек. В городах были аптеки, больницы, телеграфные станции, абонементы частных телефонов, школы. С 1880 г. центральные улицы освещались электричеством. В ряде городов Северной Норвегии были представительства Дании, Великобритании, России, Германии. В 1901 г. в Вардэ был открыт филиал Норвежского банка (Norges land og folk 1906: 18, 46, 48, 61). Поэтому можно сказать, что для большинства поморских крестьян, живших преимущественно в деревнях, статус норвежской культуры представлялся выше русской, и они в определенной степени усваивали статус норвежского образа жизни, сохраняя основные черты русского человека — религиозность, пренебрежение к внешним неустройствам быта, углубленность в свой внутренний мир. Норвежцы при общении с поморами удивлялись их жизнерадостности и трудолюбию при суровых условиях их жизни. Норвежское общество было ориентировано на благоприятные условия быта и индивидуальность.

В процессе экономических связей поморы обучались у норвежцев внешнему порядку жизни, а норвежцы знакомились с внутренней жизнью русских. Схожие природно-климатические условия, уклад, связанный с морскими промыслами, добрососедские отношения и чувство симпатии приводили к обогащению двух культур, продолжавшемуся на протяжении нескольких веков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГААО — Государственный Архив Архангельской области
РГИА — Российский государственный исторический архив

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Свод постановлений, извлеченных из законов Норвежского королевства и касающихся до рыбной ловли и торговли, проводимых русскими в портах приморских губах Норвегии. Архангельск, 1871.

Теттерман А. Сборник норвежских узаконений по производству ими торговли и промысла в Северной Норвегии. СПб., 1883.

Бернштам Т. А. Поморы. Л., 1978.

Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1993.

Консульские донесения по торговле и промышленности. Вып. 1: Швеция и Норвегия. СПб., 1895.

Описание Мурманского побережья. СПб., 1909.

Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1886 г. Архангельск, 1888.

Шергин Б. Повести и рассказы. Л., 1984.

Balsvik R. R. Vardø. Bind 1 Grensepost og fiskevær. Tromsø, 1989. S. 124–125.

Broch I., Jahrl E. Y. Russe-norsk-et pidginspraak I Norge, Novus forlag, 1981.

Hansen H. Pomorhandelen I Finnmark, Emnehefte 1, Skoledirektoren / Hogeskolen 1. Finnmark, 1977.

Hansen H. Nordnorske konturer og profiler. Tromsø, 1978.

Norges land og folk. Topografisk-statistisk beskrevet. Finmarkens amt Kristiania, 1906.

Pomor. Norge og Nord-Russland gjennom tusen aar (E. Niemi-red.). Oslo, 1992.

POMOR TRADE AS A FACTOR OF MUTUAL CULTURAL INTERACTION BETWEEN RUSSIANS AND NORWEGIANS (EIGHTEENTH AND NINETEENTH CENTURIES)

ADSTRACT. Historical and economical contacts in the northern regions of Russia and Norway are deeply rooted, and this fact has influenced the connections between the peoples of these countries. In the nineteenth century, the contacts were especially intensive thanks to the Pomor trade, the traditional trade between Russians and Norwegians in the North. The main purpose of this article is to demonstrate how the Pomor trade promoted the cultural influence of these two neighbor peoples on each other. The trade between fishers from the two countries took a form of exchange. Manufactured goods from Norway entered Pomor everyday life, while Russian folk culture was introduced to Norwegians living in places visited by Pomors.

KEY WORDS: Pomor trade, fishers, northern Russia, peoples of the northern Norway

TATIANA A. SHRADER — Candidate of Sciences in History, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)
E-mail: tatyana.schrader@gmail.com